

Я вначале колебалась, потом дала согласие. Невозможно описать радость Олега! Он обнял меня и начал кружить по комнате, как маленькую девочку. Каким сильным он стал к тому времени!

— Вот уж спасибо тебе, мама! Я знал, что ты меня поймешь, — повторял он, целуя меня в обе щеки.

Начались сборы. Но Вячеслав Иванович должен был сначала один выехать куда-то по важному делу и только после возвращения забрать Олега с собой.

Грачев не возвратился ни на другой день, как мы условились, ни на третий, не возвратился и на десятый.

Взволнованный Олег не спал по ночам. Мы тоже волновались — вещи Грачева остались в Краснодоне. Закралась мысль о несчастье.

Так оно и было. Грачев попал в окружение и долго не мог пробиться к своим.

Стояли палящие июльские дни. Немецкая орда двигалась на восток, а с нею — смерть и разрушение. Пылали цветущие украинские села и города.

Красная Армия с боем отходила на новые рубежи.

Краснодонские шахтеры, рабочие и служащие организовывали истребительные батальоны, до позднего вечера проходили боевую подготовку. Помещались они в просторных рабочих общежитиях, около базарной площади.

Олег в эти дни почти не бывал дома. Он не пропускал ни одного события в Краснодоне. До всего ему было дело. Чтобы и ночью следить за налетами немецких самолетов, он ложился спать во дворе, накрывшись простыней.

С немецких самолетов падали ракеты, надрывно гудели паровозы, шахты, шарили по небу прожекторы, хлопали зенитные пушки. Немцы бомбили окраины города, где скопились наши воинские части. Доносился яростный гул бомбежки и со станции Лихой; там долго стояло яркое зарево. Ночью становилось светло, как днем.